

ХVII. КРУГОЗОР КРИТИКА

Круг чтения Чернышевского еще очень мало изучен. Но любая его статья и рецензия (а он писал буквально по всем отраслям знания) показывает, что великий писатель стоял на уровне последних достижений каждой науки, что он овладел огромной специальной литературой на английском, французском, немецком языках. Чернышевский обладал необыкновенной трудоспособностью. Он работал не разгибая спины до последних лет жизни.

Перу его принадлежат переводы с английского беллетристических произведений (Бульвер, Диккенс, Брет-Гарт), политико-экономических и исторических работ. Он переводил с французского «Исповедь» Руссо, «Историю моей жизни» Жорж Санд, отрывки из автобиографии Беранже, биографию Бальзака, перевел с немецкого одиннадцать томов «Всеобщей истории» Вебера, томы Шлоссера, Гервинуса, книгу по языкознанию Шрадера и другие.

Из переводов Чернышевского следует выделить те, которые ему пришлось делать в последний период жизни. Это подневольная работа, которую он брал «по праву нищего». Мы еще будем говорить об этом

в своем месте, а здесь отметим лишь, что ни к Веберу, ни к Спенсеру, ни к Шрадеру сердце Чернышевского не лежало. Он стыдился, что невольно способствует изданию какой-нибудь «Энергии в природе» Карпентера или «Сравнительного языкознания» Шрадера. Он писал к некоторым из таких переводов свои критические послесловия, но издатели устранили их, опасаясь цензурных осложнений.

Переводы «Исповеди» Руссо, отрывков из автобиографии Беранже, отрывков из мемуаров Сен-Симона, отдельных томов «Истории Англии» Маколея, «Всеобщей истории» Шлоссера, «Истории XIX века» Гервинуса, «Истории Соединенных Штатов» Неймана, «Крымской войны» Кинглека и др. — все эти работы были осуществлены Чернышевским за время двухгодичного заключения в Петропавловской крепости.

Выбор «Исповеди» Руссо и автобиографии Беранже симптоматичен. И Руссо и Беранже принадлежали к числу его любимых писателей.

«Гомер дает каждому то, что берущий захочет взять у него», — это изречение любил повторять Чернышевский.

В юношеские годы он увлекался социальными романами Жорж Санд и Диккенса. Повести и романы Диккенса были ему ближе других произведений западноевропейской литературы, потому что он видел в авторе «Давида Копперфильда» адвоката униженных и обездоленных. «Люди, которые занимают меня много: Гоголь, Диккенс, Ж. Санд, Гейне я почти не читал, но теперь, может быть, он мне понравился бы, не знаю, однако, — писал он в своем дневнике 1848 года. — Из мертвых я не умею назвать никого, кроме Гёте, Шиллера (Байрона тоже бы, вероятно, но не чи-

тал его), Лермонтова. Эти люди мои друзья, то-есть я им преданный друг. Тоже Фильдинг, хотя в меньшей степени против остальных великих людей, то-есть я говорю про мертвых; может быть, он и не менее Диккенса, но такой сильной симпатии не питаю я к ним, потому что это свое и главное — это защитник низших классов против высших, это каратель лжи и лицемерия».

Таков был характер чтения юного Чернышевского. Если не знание, то верный инстинкт вел его уже тогда к тем произведениям литературы, в которых воплощены были лучшие стремления эпохи.

Умение безошибочно избирать себе достойных учителей и союзников резко отличает Чернышевского от многих писателей. Вступив однажды на прямой путь, он не уклонялся от него. Осознав цель, он уверенно шел к ней. Обычные заблуждения юности, многократные пересмотры взглядов, колебания и отречения незнакомы ему. Эта черта предопределила вкусы и наклонности будущего великого критика и писателя. Они отличаются редкой цельностью. Неудивительно поэтому, что после Пушкина, Гоголя, Лермонтова и других корифеев родной литературы Диккенс, Беранже, Гейне, Байрон, Ж. Санд остались навсегда его любимыми авторами.

Духовное развитие Чернышевского шло гигантскими шагами. Через несколько лет после цитированных записей, в которых Чернышевский еще неуверенно рассуждает о западных писателях, кругозор его изменился неузнаваемо. В «Современник» он пришел уже совершенно сложившимся человеком, с огромным запасом знаний.

Вся журнально-литературная деятельность его укладывается в очень небольшой промежуток вре-

мени: восемь-девять лет необычайно интенсивной, разнообразной, напряженной работы под пристальным надзором цензуры. Он не свершил и половины того, что мог бы сделать при других обстоятельствах.

Как только жизнь поставила перед ним новые задачи, а внешние обстоятельства позволили приступить к их решению, Чернышевский, найдя себе продолжателей, не задумываясь, оставляет поприще литературной критики.

За четыре года своей литературно-критической деятельности Чернышевский написал о западноевропейской литературе не много. Особняком стоит лишь его большая монография о Лессинге. Кроме нее, статья о Теккерее, статья о сборнике «Шиллер в переводе русских поэтов», ряд рецензий. Вот в сущности и все... Объясняется это тем, что «домашние обстоятельства», то-есть стремление разрешить в первую очередь задачи, стоявшие перед отечественной литературой, заставляли Чернышевского обращать главное внимание именно на ее развитие. Но в статьях, посвященных русской литературе, Чернышевский очень часто упоминает о западных писателях, сопоставляет их с русскими, показывает различие положения литературы в России и на Западе. По этим-то упоминаниям и по беглым характеристикам европейских писателей, рассеянным в письмах Чернышевского, мы можем восстановить картину его отношения к ним.

В литературе XVIII века особое внимание Чернышевского привлекли Лессинг и Руссо. О первом из них он написал в 1856—1857 годах большую работу «Лессинг, его время, жизнь и деятельность». О втором он должен был написать такую же монографию, но, как увидим ниже, осуществлению подготовленного труда помешала ссылка.

Не случайно эти авторы приковали внимание русского просветителя шестидесятых годов. Недаром Энгельс называл Чернышевского, как и Добролюбова, «социалистическими Лессингами» Дух протеста и борьбы, присущий творчеству немецкого критика и драматурга и французского философа, был особенно близок Чернышевскому В монографии о Лессинге Чернышевский показывает, какую огромную роль в развитии умственной жизни страны может играть при известных обстоятельствах литература¹.

Он рассказывает о титанических усилиях Лессинга, неутомимо боровшегося с тогдашним немецким обществом, погрязшим в раблепии и эгоизме. (В этом и заключались приноровления статей Чернышевского о Лессинге «к домашним обстоятельствам». Инвективы против врагов Лессинга могли быть направлены и против врагов русского просветительства и демократии.)

В Лессинге ему импонирует свободолюбие, независимость, неустанная пытливость, самостоятельность мышления, непреклонная воля, решительность, смелость. Он видит в Лессинге идеал человека и борца.

Более сложного и противоречивого Руссо Чернышевский анализирует в заметках о письмах Гоголя (1856 г.): «И характер и самая судьба Гоголя представляют чрезвычайно много общего с характером и судьбою Руссо, этого нищего, оклеветанного, бежавшего от родины и нежно, тоскливо любящего родину, подозрительного, неизмеримо и справедливо гордого, чрез-

---

¹ Сравни. «Единственную надежду на лучшие времена видели в литературе. Эта позорная политическая и социальная эпоха была в то же самое время великой эпохой немецкой литературы» (Ф. Энгельс, «Положение Германии». К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. V, стр. 7).

вычайно скрытного и не умеющего ничего скрыть, пренебрегающего всем и всеми, нуждающегося во всех, впадавшего во многое непростительное и пагубное для других менее высоких по природе своей натур и все-таки оставшегося чистым в душе, невинным и наивным, и, при всей своей наивности, и хитреца, и глубочайшего сердцеведца, загадочного для современников, очень понятного для потомства, гениального и благородного мизантропа, полного нежной любви к людям».

Когда Чернышевский был арестован и заключен в Петропавловскую крепость, он занялся среди прочих многочисленных работ изучением Руссо, подготавливая его биографию.

Он ценил предшественника якобинцев более других французских просветителей за его демократизм и большую смелость в разоблачении социальной неправды. Недаром Чернышевский в одной из статей назвал Руссо революционным демократом.

Сохранились обширные материалы для биографии Руссо, начатой Чернышевским в крепости. Это сотни и сотни страниц выписок из сочинений Руссо и критических заметок к ним самого Чернышевского. Он принужден был оборвать писание «Заметок к биографии Руссо» ввиду высылки в Сибирь. Работа осталась в стадии подготовки лишь потому, что позднее Чернышевскому не были переправлены в Сибирь ни его рукописи, ни сочинения Руссо, о которых он просил в письмах к родным из ссылки.

Сохранился также сделанный в крепости перевод Чернышевского первой (неполный) и всей второй части «Исповеди» Руссо.

И в романе «Пролог», написанном в Сибири, и в одном из задержанных вилюйских писем Чернышев-

ский говорит о Руссо как об исключительном образце превосходной строгости к самому себе. «Ничего, кроме дивно-гениального, не отдавал он в печать». «Готовься, готовься, — Руссо готовился сорок лет, потому и мог сказать что-нибудь свое, глубоко-обдуманное, дельное».

Зная основные принципы эстетики Чернышевского, нетрудно понять, почему в новой европейской литературе симпатии его были на стороне Байрона, а не Соути; Диккенса, а не Бульвера; Жорж Санд, а не Шатобриана; Бальзака, а не Дюма; Беранже, а не Ламартина. Чернышевский всегда и неуклонно боролся за идейно насыщенное искусство. Он считал, что первое условие художественности — соответствие формы с идеей. Верным методом критики было для него выяснение истинности идеи, лежавшей в основании произведения. «Если идея фальшива, — говорит он, — о художественности не может быть и речи, потому что форма будет также фальшива и исполнена несообразностей». Художественность — это вовсе не мелочная отделка подробностей, не погоня за эффективностью отдельных фраз и эпизодов, где искусство переходит в искусственность. Художественность — это гармония частей с духом целого.

Он придавал огромное значение литературе, считая, что в известные исторические периоды литература может играть роль единственной силы, способствующей развитию самосознания нации. Так было в России в эпоху Гоголя и Белинского, так было в Германии в эпоху Лессинга. Но такое высокое значение обретает только та литература, которая становится выразительницей передовых стремлений века. Рассматривая с этой точки зрения западную литературу своего времени, Чернышевский писал: «У каж-

дого века есть свое историческое дело, свои особенные стремления. Жизнь и славу нашего времени составляют два стремления, тесно связанные между собою... — гуманность и забота об улучшении человеческой жизни».

Может быть, такое определение в устах другого писателя показалось бы расплывчатым, туманным. Но Чернышевский не был человеком фразы. Поневоле прибегая порою к осторожным формулировкам, он терпеливо и настойчиво раскрывал путем хитроумных параллелей и намеков то, что было вложено в формулировки. И тогда становилось ясно, что, говоря об идеях гуманности, он имеет в виду социалистические идеи, а под улучшением человеческой жизни подразумевает революционное воплощение этих идей в жизнь.

Среди современных ему западных писателей Чернышевский выделял тех, в ком видел «стремления, которые движут жизнью эпохи».

В VI главе «Очерков гоголевского периода» Чернышевский осуждает реакционных романтиков школы Шатобриана и представителей так называемой «*école satanique*» («сатанинская школа»). Творчеству этих разочарованных, «проеденных эгоизмом» буржуазных лжеоракулов он прямо противопоставлял революционные песни Беранже, которого пытались объявить певцом гризеток. В статье о «Пиитике» Аристотеля (1854 г.), не называя Беранже по имени, Чернышевский говорит о нем, как об одном из серьезнейших и благороднейших поэтов своего времени.

Среди книг, которыми Чернышевскому разрешено было пользоваться в крепости, Беранже был представлен и в оригинале и в русских переводах. Чернышевский перевел тогда отрывки из автобиографии Беранже. Он с юношеских лет сохранил любовь к народ-

ному поэту, духовному сыну Французской революции, врагу монархии и церкви.

В студенческие годы он зачитывался романами Санд. Вступив в «Современник», он вскоре же перевел (с сокращениями) «Histoire de ma vie» («История моей жизни») Санд и опубликовал перевод в журнале. Краткое предисловие Чернышевского к переводу мемуаров (1856 г.) ясно показывает, что теперь он уже был далек от юношеского увлечения автором «Индианы».

Идейные и художественные промахи писательницы не укрылись от его взгляда. Но Чернышевский готов простить обманчивый колорит экзальтации, придающий ненужную «красивость» ее романам, за ярко выраженное противодействие «господствующей мелочности, холодности и пошлomu бездушию».

Факт перевода Чернышевским биографии Бальзака, написанной сестрою писателя (перевод напечатан в «Современнике» в 1856 году), как и активный интерес его к биографиям Руссо, Беранже, Санд, дает представление о том, какие традиции во французской литературе были дороги Чернышевскому, каких писателей он популяризировал или намеревался популяризовать среди русских читателей.

Параллели между русской и западной литературой встречаются у него во многих статьях и рецензиях. Сопоставляя великих русских и западноевропейских деятелей литературы и науки, Чернышевский много раз подчеркивал одно отличительное свойство русских писателей — их органическую любовь к своему отечеству. Западноевропейские писатели, говорил Чернышевский, большею частью космополиты. Они преданы науке или искусству без мысли о том, какую пользу приносят они именно своей родине. Шекспир... Гё-

те... Корнель... «О художественных заслугах перед искусством, а не об особенных, преимущественных стремлениях действовать во благо родины, напоминают их имена. У нас не то: историческое значение каждого русского великого человека измеряется его заслугами родине, его человеческое достоинство — силою его патриотизма».

Одну из первоочередных задач отечественной литературы Чернышевский видел в том, чтобы она всемерно способствовала преодолению отсталости русской жизни. Чернышевский знал и чувствовал, что в великом даровитом русском народе таятся неистощимые силы, которые народ сумеет выявить в будущем.

Народ в его время был искусственно оторван от просвещения. «Поддержка невежества в русском народе была делом систематического плана: этим средством бояре, подьячие и проч. хотели предотвратить неприятные им нововведения», — так писал Чернышевский в одной из своих рецензий на историческую работу, и тогдашние читатели «Современника» понимали, что речь идет не только о боярах и подьячих, но и об основном, постоянном способе действий русского самодержавия.

Славянофилы в своем стремлении отстоять «самобытность» русского народа способствовали «систематическому плану» самодержавных «бояр» и «подьячих». Отстаивая «самобытность», они ратовали за застой, за отступление к прошлому, за варварство.

Чернышевский же считал, что, «заботясь о развитии общечеловеческих начал, мы в то же время содействуем развитию *своих особенных* качеств, хотя бы вовсе о том не заботились».

Нетрудно понять, что эта формулировка была направлена против славянофилов, с которыми Черны-

шевскому приходилось очень часто вступать в полемику с самого начала его сотрудничества в «Современнике». Он вскрывал в своих статьях беспочвенность «патриотизма» славянофилов, формальную сущность его, даже при наличии субъективной любви к родине у иных славянофилов. Он указывал, что они жестоко заблуждались в поисках путей будущего развития России и потому, формально оставаясь «патриотами», лишали свой патриотизм живого содержания, шли на поводу у царизма.

Как к славянофильской, так и к «западнической» догме Чернышевский подходил с позиций революционера-диалектика. Он решительно отвергал «пустых панегиристов» буржуазного Запада. «Если бы, например, между западниками нашлись люди, восхищающиеся всем, что ныне делается во Франции (а такие есть между западниками), мы не назвали бы их мнения достойными особенного одобрения, как бы громко ни кричали они о своем сочувствии к западной цивилизации, — потому что и во Франции, как повсюду, гораздо более дурного, нежели хорошего».

Превосходно понимая ограниченность и условность буржуазных «свобод», Чернышевский подходил к этому вопросу как материалист и революционер, заявляя, что «человек, зависимый в материальных средствах существования, не может быть независимым человеком на деле, хотя бы по букве закона и провозглашалась его независимость». Он отлично знал, что благами прогресса и цивилизации на Западе пользуется не народ, а буржуазия, что массы народа и в Западной Европе погрязают в невежестве и нищете.

«Страшную картину современного быта своей родины представляет каждый из западноевропейских писателей, если только он добросовестен и стоит по

мысли в уровень с гуманными идеями века. Это при- скорбное разноречие действительности с потребно- стями и идеалами современной мысли с году на год становится тяжелее в Западной Европе».

Чернышевский одинаково отрицательно относился к национальному самодовольству, у кого бы оно ни проявлялось.

Вся революционно-общественная деятельность Чернышевского была воплощением его патриотиче- ского стремления «двинуть вперед человечество по дороге несколько новой».

Патриотизм Чернышевского был совершенно сво- боден от каких бы то ни было черт национальной ограниченности. Узкое понимание «патриотизма» было чуждо революционному демократу.

Разоблачая реакционную сущность панславист- ских призывов к «объединению» славян под эгидой российского самодержавия, Чернышевский клеймил лицемерие этих непрошенных «опекунов» малых на- родов. Он противопоставлял их шовинистическим пла- нам идею солидарности братских народов в борьбе за демократию. С живейшим сочувствием относился Чер- нышевский к славянским народам, которые стонали под гнетом немцев и турок. «В сочувствии бедствиям австрийских славян мы не уступим никому», — писал он в одной из статей.

Судьбы братских народов были действительно близки и дороги Чернышевскому. Любовь к их искус- ству и культуре пробудилась в нем рано и не угасала никогда. В университете он считался по праву луч- шим учеником крупнейшего русского слависта И. И. Срезневского. Еще тогда он пристально изучал историю и культуру славянских стран. Он превосход- но знал поэзию Адама Мицкевича, Яна Колара, со-

здания сербского эпоса, чешский «Любушин суд», песни из Краледворской рукописи.

В своих первых журнальных рецензиях он заявлял о мировом значении сербских народных песен, не уступающих, по его мнению, своими достоинствами эпосу Гомера. Эти песни отразили мужество и свободолюбие народа, писал Чернышевский, добавляя, что такое богатство эпоса могло возникнуть только там, где народные массы «волновались сильными и благородными чувствами».

В дальнейшем в своих политических обзорах и статьях Чернышевский проявлял неизменное сочувствие освободительным стремлениям славянских народов.

